

В марте меня ранило в голову и грудь. Собаки на волокуше вывезли в санбат, размещавшийся в Селищенских казармах за Волховом. Оттуда я надолго попал в госпиталь и в свою часть уже не вернулся: в июне 42-го года был направлен с 4-ю армией под Кириши. В 1943-м, уже командуя ротой, еще раз побывал в районе Мясного Бора. Но теперь мы уже стояли в обороне между Мясным Бором и Любцами.

И. И. Калабин,

*шофер, бывший рядовой 839-го гаубичного артиллерийского полка
резерва главного командования*

И муки всех святых...

Бывая изредка в Санкт-Петербурге, я всякий раз захожу в Эрмитаж и долго-долго стою перед картиной Боттичелли «Святой Доминик». На ней изображен обессиленный Доминик, истощенный старик.

Для меня, далекого от искусства человека, эта картина как память. Память о том далеком прошлом, когда я и мои товарищи, не святые, но такие же невинные «доминики», в полной мере испытали власть тела над душой. И знать об этом надо, знать и не забывать. По прошествии более семидесяти лет очень трудно осознать, как простой смертный мог все это вынести.

Было очень обидно, когда граждан нашей большой страны пичкали одной-единственной «Малой землей». Сколько таких «земель» было за всю войну! Но о многих, очень многих героических и трагических событиях минувшей войны не поведано миру. Уйдем мы — ее участники и очевидцы, и подлинная история Великой Отечественной так и остается неизвестной.

Я постараюсь, как смогу, рассказать о том суровом времени, когда мы кипели в котле страхов и ужасов. Попробую описать будни полугода войны — с 17 декабря 41-го по 22 июня 42-го года, которые запомнились мне как самые тяжкие.

Не забыть названия деревень: Любино Поле, Костылево, Мясной Бор, Спасская Полисть, Глухая Кересть, Тигода, Ольховка, Коровий Ручей, Финев Луг — превратившихся в черные пепелища. И Любанская операция, в которой мне довелось участвовать, представляется не битвой, не сражением, а побоищем, в котором полегла целая армия...

Путь на войну

Я воевал в составе первого дивизиона 839-го гаубичного артиллерийского полка резерва главного командования. Полк наш формировался в Кировской области в декабре 1941 года. Состав его оказался не-

однородным: от юнцов, никогда не державших в руках оружия, до многолетних мужиков, только что оторванных от сохи. Были и опаленные войной солдаты, уже пережившие белостокское, киевское, вяземское, ельнинское окружения. Комсостав тоже разношерстный, в основном необстрелянный.

Обмундирование нам выдали самое добротное: шапки-ушанки, полшубки, ватные брюки и фуфайки, теплое белье, портянки, замечательные меховые краги. Все новенькое, как с иголки. Что хорошо, то хорошо. Но вот плащ-палаток и походных кухонь не было вовсе, а как плохо пришлось без них!

122-миллиметровые пушки-гаубицы образца 1938 года считались вполне современными орудиями. Новехонькие, они еще пахли заводской краской. Позднее получили тягачи для перевозки орудий — дизельные вездеходы марки «Коммунар», работавшие на солярке. Проходимость их была очень высокой: в любом буреломе или болоте пройдут. Наш 839-й гап был одним из немногих артиллерийских полков на механической тяге. Экипажи могли передвигаться вместе с орудиями — быстро, удобно. Как вспомнишь, какую технику зря загубили, и сейчас плакать хочется!

...Коротки декабрьские дни. Бесконечно долго длятся ночи. Зимой, конечно, всегда холодно, но в декабре 41-го мороз лютовал неистово: морозы доходили до сорока градусов.

Теплушки-телятники отправлялись на фронт переполненные солдатами. Продукты скудны, нормы мизерны, да и те выдавали сухим пайком. Надо было как-то ухитриться сварить что-нибудь на единственной круглой печи... Одолевала тревога: куда нас везут? Почему в эшелоне нет платформ с автомашинами — ведь мы же шоферы? Состав полз медленно. Миновали Буй, Рыбинск, Ярославль. По обходной дороге обогнули притихшую Москву (ее видно с высоты Воробьевых гор). От столицы двинулись по Октябрьской железной дороге в сторону Ленинграда. Большинство из нас проделали путь от Сибири и Дальнего Востока и в этих краях впервые. Все ново, непривычно. Начали встречаться обгорелые, разрушенные станции: здесь уже прошли бои...

Трижды за время пути останавливались и всем эшелонам заготавливали дрова для паровоза. Валили березы, пилили, кололи, грузили на сани и подвозили на лошадях к паровозу. Но вот наконец и станция Бурга — последняя на нашем пути. Спешно выгрузились. На западе небо огненное, слышались залпы тяжелых орудий: там шла война. Через день — Новый год. Что он нам принесет?

Начало

Вскоре меня назначили во взвод боепитания. Значит, определили к делу, появился адрес: полевая почта 1550, 839-й гап, 1-й дивизион. Стояли в лесу под Малой Вишерой. Повсюду мелькали шинели, полшубки, маскхалаты. Полно военной техники. Вроде обычная обстановка, но почему-то жутковато. Тем не менее надо втягиваться, привыкать.

Малую Вишеру недавно освободили от врага. Небольшой городок, сплошь деревянный, с красивым железнодорожным вокзалом. Наш первый город на пути нелегкой солдатской судьбы... Жители обрадовались, хотели рассказать о пережитом, но мы торопились дальше на запад.

Огневиков-батарейцев перед дорогой «остограммили» — выдали по полстакана водки. Нам же сказали: «Еще не заработали!» А так хотелось выпить и чуток согреться — холодина невыносимая.

Батарейцы прицепили пушки к тягачам. Сами в кузов и в путь. Мы — шоферы без машин — топаем пешим ходом целый день, голодные, до деревни Люберцы. Здесь кое-как сварили себе, поели.

Политрук объявил: нас прикрепляют ко 2-й ударной армии, которой командует генерал-лейтенант войск НКВД Г. Г. Соколов. Командир полка — майор Демин, командир 1-го дивизиона — капитан Синеговский, командир взвода — лейтенант Бычков, командиры отделений — Котельников и Жильцов. Приказали «сдать» свои адреса — должны выдать специальные медальоны на случай гибели. Медальонов, однако, мы не дождались, видно, очередь не дошла...

Разделились по отделениям и зашагали к деревне Александровская колония, еще недавно занятой немцами. Тут уже стояли орудия на огневых позициях. Здесь нам предстояло из салажонков превратиться в воинов.

Скоро начались бомбежки и обстрелы. Надо было как-то спастись, «зарываться» в землю. А земля промерзла, сделалась прочнее бетона, долбишь-долбишь — все без толку...

Появились обмороженные, раненые истекали кровью — где их приютить? Домов нет — все сжег, отступая, немец. Приспосабливали под лазареты подвалы.

Противнику было легче — немцы размещались в тепле — в избах, дотах и дзотах, мы — на голых пепелищах, да еще заминированных: шагу не ступишь без саперов. Паек солдатский — в сухом виде, где и как разогреть, неизвестно. Кухонь походных за всю операцию мы в глаза не видели. Хлеб мерзлый, твердый как кирпич — не откусишь. Попить — и то проблема: снега негде растопить.

Мы много пели до войны (помните, «Красная армия всех сильней!»?), да мало делали. А война, она, брат, дело спрашивает. К такой войне, притом в зимних условиях, загодя готовятся...

Встретил я знакомого шофера, бывшего сослуживца Сысенко. Упросил его привезти что-нибудь вроде печки. Сысенко притащил конную кухню без колес и котлов. Тут уж мы зажили! На этом очаге и пищу готовили, и снег топили — грели воду для всех нужд.

А части 2-й ударной все прибывали и прибывали... Правый берег Волхова был усыпан людьми и заставлен техникой до предела. Приглушенный людской гомон, ржание лошадей, лязг гусениц. Пушки, дальнобойные самоходки с длинными, как телеграфные столбы, стволами; автомашины и обозы, обозы... Морозный воздух сотрясали разрывы

вражеских снарядов — налетала авиация. А наши молчали, и самолетов не видно...

Нескончаемым потоком подвозили ящики. Комвзвода Бычков, показав на штабеля ящиков, уложенных в три яруса, сказал мне: «Вменяю вам в обязанность во время сражения собирать стреляные гильзы, укладывать в освободившиеся ящики и выносить к дороге. Если подадут машины — немедленно грузить. Ясно?» — «Нет, — возражаю, — зачем такая поспешность?» Лейтенант объяснил: система наших гаубиц новейшая, запасов снарядов не было и не будет, поэтому гильзы нужно срочно возвращать на завод.

В ночь на 7 января правобережье Волхова содрогнулось, как при землетрясении. Холодная темная рождественская ночь озарилась красным светом: огнедышащие жерла орудий извергали огонь. Небесная зарница была так ярка, что, отражаясь, освещала землю. Батарейцы скинули полушубки и в одних гимнастерках засовывали в ненасытные пасти своих «дегиш» снаряд за снарядом. Стреляные гильзы, как дрова из порушенной поленницы, разлетались по снегу. Я стоял, замороженный быстрой и слаженной работой ребят. Вывел из оцепенения друг Миша: «Хватит зевать!»

Неожиданно подъехали четыре машины, напоминавшие пожарные, и остановились у 2-й батареи — каждая машина против орудия. Из-под брезента выскочили солдаты, сбросили брезент на землю и уволокли. Машина содрогнулась и покрылась чадным дымом, от нее потянулись шлеи красных стрел, устремленных в сторону немцев. Мы подивились: какое-то чудо-юдо, пришло странно и ушло так же. Спрашивать было некогда — все в мыле от работы.

Позднее выяснилось, что мы видели в ту ночь реактивные установки «катюши». И подвозили их по первости к орудиям потому, что били по данным артиллерийских расчетов.

Полушубки наши, недавно еще белые, стали черными как головешки. Казалось, что из этой преисподней мы никогда не выберемся. В горле пересохло, уши заложило — вот-вот перепонки лопнут. Крики: «Прицел тридцать!.. Осколочным — заряжай!!» — доносятся откуда-то издалека.

Хватаю гильзы, сую в ящики и натываюсь на артиллерийского подносчика. Материмся и разбегаемся. Растут горы ящиков с пустыми гильзами, а машин все нет.

Внезапно грохот оборвался. От такой тишины стало не по себе. Навалилась страшная усталость, какой никогда прежде не испытывал — захотелось упасть и не шевелиться. Только сознание говорило: «Нельзя! Уснешь и замерзнешь...»

После боя от нашего взвода в сорок человек осталось восемнадцать: кто убит, кто ранен. Наступление же не удалось: вперед наши части не продвинулись...

На фронте наступило затишье. Надо было окапываться. Смастерили землянку на восьмерых. Ночью набивалось в нее четырнадцать-

пятнадцать человек. Спали валетом, тесно прижавшись друг к другу. Освещалось наше жилище тлеющим электропроводом. Надьшимся — в носу черно. Кое-какую военную мудрость мы уже освоили, кое-где проявили смекалку, недаром есть народная поговорка: «солдат дымом греется, а шилом бреется».

839-й гап разместился в Селищенских казармах. Хорош был, наверное, раньше этот военный городок Селищи! Теперь от него остались одни руины...

13 января началось новое наступление. Загремела артиллерийская канонада, красное зарево еще раз осветило небо. Наверное, впервые здесь в январе начался ледоход. Седой Волхов вскипел от снарядов, покраснел от человеческой крови. Мы уже начали привыкать к войне, но, увидев торчащие из реки людские руки, головы, просвечивающие сквозь прозрачный лед тела, отчаянно проклинали тех, кто по тупости и безответственному недомыслию заживо погрузил в мерзлую реку воинов-пехотинцев... Эта картина и сейчас стоит перед глазами, хотя прошло больше полувека. В дальнейшем я прошел и Яссо-Кишиневскую битву, и бои за город Будапешт, но кровавый смертоносный Волхов продолжает мучить мою память.

На Любань

Переправившись по льду через Волхов, мы двинулись на Костылево — Любино Поле в прорыв за конницей генерала Гусева. До сих пор недоумеваю: на что рассчитывало командование, загоня коней в непроходимый лес, где ни дорог, ни тропинок и снега лошадям по брюхо? Ведь достаточно было взглянуть на топографическую карту Новгородской области, чтобы понять: эти места за Волховом — настоящий край Мазая — топи да болота... На какую военную мощь рассчитывали, не ведаю.

Я многое забыл,
Но помню до сих пор
Нелепый замысел стратегии бездарной
И гибель армии 2-й ударной...

Ведь девяносто процентов нашего транспорта — кони. Чем их кормить? Ни овса, ни сена... Остановится повозочный на ночлег, наломает в сани хвои, уснет. Пока спит, пара его коней так искусно оглобли обглодает, как ни одному токарю не обработать. А бывало, что оба коня околеют с голодухи. Держит солдат сбрую и плачет в голос: «Батюшки, засудят ведь!»

Как лоси, сквозь заросли еле-еле продвигались к Любани. Немцы бомбят, обстреливают. Укрыться от огня негде — ни окопов, ни траншей тут не выраешь. Прикажут рыть землянку — снег очистить, а под ним красная прошлогодняя клюква. Поглубже копнешь — вода.

Для штабов и госпиталей доставили большие палатки с войлочным полом. Мы же ночевали у костров. Веток наломаешь побольше, чтоб не

простыть, — и к костру. Бывало, и ноги вместе с валенками обгорали. Добыть другие — топай на передний край, чтобы снять с убитого: больше взять негде.

Горлышко нашего прорыва у Мясного Бора держали части 52-й и 59-й армий. Оно то расширялось до нескольких километров, то сужалось до сотен метров. Снабжение шло по одной-единственной дороге и было недостаточным. Сначала гибли от недоедания кони, потом люди их съедали. Недаром говорят: человек живучее собаки. И то правда: собака понохает и есть не станет. Мы же всех дохлых лошадей из-под снега вырыли и съели. От того начались у солдат кишечные расстройства. Бывало, штаны спустить не успеешь. Настоящее бедствие!

Немцы все видели, ведь рядом были, за какой-нибудь речушкой в десяток метров шириной. Какие насмешки, унижения, какое издевательство приходилось от них терпеть — ни приведи господь!

«Рус, капут! Рус, сдавайся!» — ежечасно кричали по усилителю. — Именем фюрера вы все до единого приговорены к смерти!»

Их, мне кажется, бесило наше упорство. Уговаривали: переходи, и все тебе блага. «Из ада в рай — одна дорога, к нам перебегай!» — гласили немецкие листовки. Вся земля белела от бумажек со всевозможными картинками, расхваливавших «новый порядок», который ждал тех, кто перейдет к врагу.

Мы, уржумские мальчишки: Юрьев, Касаткин, Патрушев, Сбоев, Тихомиров, я, — отвергали саму мысль о сдаче в плен. Но не каждый мог выдержать те нечеловеческие условия, в которых мы оказались. Вражеская пропаганда, голод, лишения делали свое дело. Немцы рассчитывали на моральное разложение. Иногда это удавалось. Трое наших земляков — Черногаев, Лосев, Глухих — подались к немцам. На душе стало тяжело: вот только вчера они были с нами, а сегодня — среди фашистов. Распинаются, должно быть, о наших страданиях — втираются в доверие...

Почему же гитлеровское командование не шло на прямое физическое уничтожение армии, а тянуло, тянуло, тянуло?

Немцы воевали умело, по-умному, используя просчеты нашего командования. А бездарность нашего высшего эшелона была очевидной: Ставка во главе со Сталиным губила, не задумываясь, собственные войска, будто они состоят не из людей, а из насекомых. «Вперед! Ни шагу назад!» А что из этого выйдет и какой ценой — неважно. Вот и получилось, что немцы истребили в новгородских лесах малыми силами войск и техники русские части, превосходящие численностью в несколько раз. «Отец всех народов» рассчитывал выиграть зимнее наступление за счет морозов и жестоко ошибся.

Но, когда пришла весна, а с ней распутица, почему тогда не образумились? Вскрылись болота — ни одна машина не пройдет. Тут бы опомниться и повернуть войска назад, да где там! Снова погнали вперед, к заветной цели — на Любань!

Под Красной Горкой мы вроде вырвались на тактический простор. Взяли Болотицы, Рамцы, Вериговщину, Монастырскую Пустошь, до

Любани оставался какой-нибудь десяток километров. Брали и Красную Горку. Но...

Большой простор требовал техники, а не лошадиного ржання. У нас же не было уже ни того ни другого. Распутица нарастала с каждым днем. Когда-то весна была в радость, а тут не до улыбок — одно горе, спасаемся на островках, как зайцы. Орудия надо обеспечивать, а снаряды — за тридцать земель. Лошадей поели — снаряды таскаем на себе, по пояс в воде. Немцы играют на губных гармошках, песенки распевают, издеваются: «Рус, куп-куп!» Им что: они в деревнях, на сухом месте, а мы, Иваны, снова в дураках. У многих на ногах валенки. Сменить же обувь нет никакой возможности. Мы понимали, как трудно все достается по весеннему бездорожью. Нужно и продовольствие, и боеприпасы, а тут еще летнее обмундирование...

В осаде

Горловину прорыва у Мясного Бора немцы перекрыли первый раз в конце марта. Через несколько дней нашим удалось пробить брешь в кольце вражеского окружения, но подолгу удерживать в своих руках дорогу от Мясного Бора не удавалось. Горлышко превратилось в пульсирующий клапан: он то приоткрывался — и нам что-то перепало, то вновь захлопывался — тогда приходилось туго. Когда немцы окончательно перекрыли горловину, мы — там, в кольце, — понятно, не знали. Но хорошо помню, что с двадцатых чисел мая не получали ровным счетом ничего и остро почувствовали, что значит полное окружение. А пережить тридцатидневное окружение дано далеко не каждому.

Окружение — дело страшное. Обложит враг группировку войск со всех сторон, отрежет от всего снабжения, всякого пополнения и поддержки. А потом, обескровив окруженных, начнет бить, бить, бить, а ты ничего поделывать не можешь: нет боеприпасов, нет бензина, нет хлеба, курева, соли — и той нет... Особенно быстро обнаруживается отсутствие нормальной медицинской помощи: нет лекарств, нет перевязочных материалов. И рад бы помочь раненому, да чем? Свое бельё уж давно израсходовано, один мох вместо бинтов и ваты. Госпитали все переполнены, медперсонала не хватает, да и тот в отчаянии: раненых уже давно не эвакуируют. Много сотен тяжелораненых, неходячих лежат под кустами, над ними вся лесная мразь: мухи, комары — гудят как пчелы в улье. Стоит подойти к раненому — весь рой на тебя. Всего облепят, в рот, в глаза, в уши лезут — невтерпеж. Проклятые комары, мухи, вши — враги наши ненавистные. Разве какой писатель станет их описывать, если его никогда так не кусали? А я их до конца дней не забуду. Вшивость — дело не новое, но чтоб в таких масштабах... Серые дьяволы ели нас поедом, со злостью, сплошь покрывая тело и одежду. Их не давили — просто, если выпадала свободная минута, стряхивали на землю. Они, паразиты, ухитрились внутри каждой пуговицы жить по пять-шесть штук! Шутка ли — шесть месяцев без бани! И все шесть месяцев не раздевались...

Главная же беда — голод. Гнетущий, бесконечный голод. Куда бы ни шел, что бы ни делал, мысль о еде не оставляет. Голод — страшная пытка, суровой не придумаешь... Паек наш теперь зависел исключительно от «воздушных извозчиков» — летчиков У-2. На своих «уточках» они привозили по пять-шесть мешков сухарей. Но нас ведь не два Ивана, а десятки тысяч — ну-ка, накорми! Если мешок упадет удачно (не разорвется и не ухнет в трясину) — получай сухарик на двоих, нет — питайся, чем бог послал: древесной корой, травой, листьями, ольховыми шишками. Голод заставил — и кирзовые сапоги пошли в дело.

Думал ли я когда-нибудь в свои двадцать три года, что доведется съесть целую лошадь со всей амуницией, уздечкой и гужами? А ведь пришлось... Кто поедал неумело — помер, кто «по всем правилам» — выжил. Наша находчивость и выносливость поражали фашистов. Ну скажите на милость, какому немцу пришло бы в голову съесть лошадиную амуницию? А мы даже специальный рецепт изобрели. Привожу его полностью: вдруг кому-нибудь еще пригодится?

Гужи, хомуты, кирзу, ремни и прочее разрезать на кусочки. Из кусочков кожи удалить грязь. Заложить кусочки в котелок, залить водой, воду слить. Снова залить водой и варить с добавлением веток смородины и березы 20—40 минут. Если запаха чистого дегтя не будет — готово к употреблению.

Все, что мы ели, было до чертиков противным. Наши «заменители хлеба» — ольховые шишки и костная мука — в глотку не лезли — душа бастует, не принимает до тошноты. Жить хотелось, а жизни не было. Умереть бы надо, да смерть не шла.

Однажды кто-то нашел на пепелище, в земле, одну картофелину, сохранившуюся с прошлого года. Ее разрезали на мелкие дольки и раздали по рукам. Это было пиршество! Кто лизал, кто нюхал... Запах картошки напомнил мне о доме, семье. Ведь, крутясь, кипя в этом пекле, я все чувства спрятал глубоко в душе.

В то время часто повторяли призыв: «Умрем, но не сдадимся!» И хотелось только одного, как в песне: «Если смерти, то мгновенной...» Вообще, разговоры о смерти были обычными. Я как-то спросил Мишу Патрушева: «Чего бы ты хотел перед смертью?» А он ответил печально: «Помыться в бане, поесть по-человечески — и капнут...» А ведь у него были жена, мать, дочка, а он о них и не вспомнил. Вот она, голодуха наша, что вытворяла — оставляла нам одни животные желания.

Голод духовно опустошает человека, превращая его в зверя-одиночку, бездумного и злобного, готового на любое насилие. Этот процесс идет постепенно, но по нарастающей, разъедая человеческое достоинство. Человек меняется и внешне: с лица исчезает улыбка — появляется тоскливая хмурица, глаза шныряют по сторонам, зубы плотно сжаты, на щеках ямы-провалы, речь отрывистая, как у косноязычного... Голодный не вспоминает прошлого, не думает о будущем. Притупляется все: чувство долга, любовь к ближнему, к соотечественнику, законы мора-

ли; остается одно страстное желание — есть! Не желание смерти, нет, а именно жизни. Как угодно, но жить! Жить физически, потому что духовно такой человек давно уже умер. Такова власть тела над человеком, и преодолеть ее — ох как трудно!

Голод вынудил нашего командира пойти на рискованный шаг — на вылазку. Сначала Синеговский послал трех человек в разведку.

Хотелось выяснить, как ведут себя наши противники из «голубой» испанской дивизии. Прозондировав обстановку в стане врага, бывший начальник разведки Сандул доложил: спят, раздетые до трусов, под марлевыми пологам от комаров, в охране — один часовой. Оружие оставляют в козлах у дверей.

Доклад разведки задел самолюбие командира Синеговского за живое. Отобрал он из нас двадцать человек кадровых, проинструктировал: боя не навязывать, снять часового ножом, без шума (это должен был сделать Сандул), забрать оружие, какое под руку попадет, боеприпасы и еду. Когда заря зарю сменяла (ленинградские белые ночи в это время хоть чуть темнее) — ринулись. Без шума и гама ошелмивали «голубых» и кое-чем поживились. На лицах промелькнула радость: вылазка во вражий стан удалась!

Наутро с той стороны полетели проклятия: полудохлые Иваны осмелились набезобразничать в тылу союзников великой Германии!

Адский котел

Через день нас сняли с переднего края и отправили в котел для переформирования.

Котлом мы называли клочок болот к западу от Мясного Бора, на котором находились окруженные подразделения 2-й УА, теснимые со всех сторон врагами — «голубыми», «зелеными» и «коричневыми». То, что там творилось, не вообразить и в самом жутком сне. Едва ли я смогу описать это.

Июнь. Северные белые ночи. Целые сутки висели над нами немецкие самолеты, сбрасывая сверхтяжелые бомбы, поливая из пулеметов. Не смолкая, гудела орудийная канонада. Можно оглохнуть от треска ломающихся, горящих деревьев, от грома и грохота артиллерийского огня, адской чечетки пулеметных очередей, надрывного воя мин. Каждая пуля — в цель, снаряд — в цель и бомба — тоже в цель, потому что скученность войск невероятная. То уже не армия, а толпа базарная. Полная неразбериха, связь между частями потеряна, управление нарушено. Повиновения, даже уважения к командирам нет. Нет никакой информации о нашем положении, только вражеская пропаганда бесчинствовала: листовки, газеты, разноцветные воззвания, призывавшие сдаваться в плен, покрывали землю. Ни деревень, ни дорог, одни обломки утонувших в болоте стланей и бревенок, когда-то наведенных саперами, а теперь полностью разрушенных. Люди мечутся между ними, ища подходящего убежища. Лес горит, торф дымит, везде воронки, изуродованные деревья, кучи ненужных винтовок, искореженные

бочки, вагонетки и трупы, трупы повсюду... Тысячи зловонных трупов, сплошь облепленных мухами, разлагаются на июньском солнце. Пройдешь мимо мертвого — мухи слетят с него на лицо твое, и ты уже ничего не видишь: мухи лезут в глаза, в нос, в уши, куда только можно. Да такие большие, жужжащие, вспоминать противно...

На каждой кочке, где посуше, — раненые. Крики и стоны, мольбы о помощи... Кто пить просит, кто умоляет прикончить, и никому нет до них дела. По лесу бродят равнодушные, хмурые, полубезумные люди в ватных фуфайках и наглухо завязанных ушанках (все-таки меньше лезут комары и мухи), с красными, опухшими от бессонницы глазами. Какой сон может быть в кипящем аду? Только задремлешь — чудится фашист, хватающий тебя за горло. Вскочишь — все тот же лес, гул и смрад...

Часов почти ни у кого нет, счет времени давно потерян. День сейчас или ночь? Какой сегодня день, какое число? Что ждет нас — плен или попытка прорыва?

Прорыв

Всему, однако, приходит конец. Вот и наш волховский гнойник, дозрев, прорвался.

23 июня 1942 года лавина изможденных, отчаявшихся людей хлынула, как речной поток, в горловину Долины смерти. Раненые и истощенные шли без оружия, кто покрепче — с винтовками.

Навстречу нам, со стороны Волхова, пробивались части 52-й и 59-й армий. Перемычка составляла всего четыре километра. Всего четыре, но каких?!

Воины 52-й и 59-й дрались отчаянно, и в ночь с 23 на 24 пробили щель во вражеской обороне в какие-то двести-триста метров. В этот коридор и ринулись живой волной окруженцы. Раздосадованные фашисты встретили их сплошным огнем из всех видов оружия. Но что могло остановить людей, которые были обречены? Схватка перешла в рукопашный бой, ожесточенный до остервенения. Сколько выплеснулось чувств в те отчаянные минуты: и обида на судьбу, и осознанное желание покончить с собой, чтобы не попасть в позорный плен. И неожиданная злость, какая приходит к человеку, когда ему уже совершенно не на что надеяться.

Рукопашный бой страшен уже тем, что свою смерть тут можно разглядеть в лицо. Но тогда мы просто шли на нее, вопреки всякой военной, да и обычной жизненной логике. И у немцев сдали нервы. Они побежали, на своей шкуре испытав, что такое ожесточение русских, в которых вселилась такая невиданная ярость. Против нее никакая сила не устоит...

...Мы из окружения до Мясного Бора
Делали прорыв вроде коридора.
По голодным, изможденным били все калибры;

Мало нас прорвалось —
Больше там осталось...

Мне повезло — вышел! А друзья-однополчане так и остались в Долине смерти. Одних сразили вражеские пули, других затоптала людская лавина, трети, обессиленные или раненные, попали в фашистский плен.

Уже в госпитале за Мясным Бором я узнал от политрука, что 25 июня 2-я ударная перестала существовать. Очень тяжело переживал я это известие.

Потом меня перевели в госпиталь Малой Вишеры, немного позднее — в Боровичи. Я понемногу приходил в себя, но долго еще оставалсяходягой-дистрофиком. «Ну прямо святой Доминик!» — воскликнула однажды сестра милосердия. Что это значит, я тогда и понятия не имел. В окружении нас больше робинзонами величали — за бороды да рваную одежду.

Медиков же больше всего поразила моя чудовищная завшивленность. Моют меня, моют и белье ежедневно меняют, а проверяют — снова вши. «Откуда ты их только берешь?» — спрашивают. Я отвечал им: «Наверное, это спутники голода, страха и ужасов, уйдут, когда отодвинется все пережитое...»

Где-то в конце июля на политинформации нам сказали: «Штаб 2-й ударной и ее командующий Власов сдались вместе с армией на милость врагу». Эта пушенная кем-то сплетня пошла-поползла из уст в уста по фронтам. Сплетня перерастала в клевету, клевета возводилась в истину. Кому это нужно было, не знаю, но в том, что герои 2-й ударной были оклеветаны напрасно, — могу поклясться.

* * *

В 1967 году я повез детей — десятиклассницу Надю и восьмиклассника Мишу — посмотреть Москву и Ленинград. Ходили по музеям до усталости, но однажды вечером сын вспомнил: «Пап, а Долину смерти покажешь?» — «Ну что ж, — говорю, — если хочешь, завтра и съездим».

Сели мы в Ленинграде в электричку, доехали до Чудова, а там автобус на Новгород идет через Мясной Бор. С нетерпением выглядывал я в окошко. Наконец вывеска: «Мясной Бор». Тот и не тот, памятный своей Долиной смерти, Мясной Бор. В памяти — сожженная доглы деревня, а тут новый поселок с нарядными разноцветными домиками. Нет уже перевернутого вверх колесами паровоза на высокой железнодорожной насыпи — путь свободен: не торчат за насыпью обгорелые, голые, как телеграфные столбы, деревья, сейчас молодой лес весело шелестит листьями. И наш коридор, прозванный Долиной смерти, не узнать. Было открытое поле, изрытое воронками-кратерами. Теперь оно заросло кустарником, воронки превратились в круглые озера, в них как в зеркалах отражаются ивы и чернотал.

Но что это? Вот она, узкоколейка, проложенная здесь в апреле 42-го, когда полностью развезло дороги. Рельсов нет, но прогнившие шпалы на месте. По старой колее устремляемся в лес. Под ногами хлюпает вода, тут и там попадаются вещественные свидетельства минувшей войны: стреляные гильзы от автоматов, винтовок, пулеметов, артиллерийских снарядов, каски, противогазы, ремни и ботинки... Точно снова вернулся в 42-й.

Вскоре заметили ольху с подвешенными, как на новогодней елке, человеческими черепами. Стало не по себе...

А вот место нашей последней стоянки. Отсюда мы двинулись в прорыв с одной мыслью: пробиться или погибнуть. В двухсот метрах располагались наши реактивные установки. Поднимаю голову и — о боже! — на ветвях деревьев — рельсы от «катюши». Люди отвергли, обесчестили героев, а природа восстановила справедливость, воздвигнув им своеобразный памятник.

Я стоял молча, потрясенный увиденным.

И вдруг страшной силы взрыв потряс землю. Один, другой, третий... Меня охватил страх: сначала все тело одеревенело, а потом с ознобной дрожью пришла слабость.

«Папа, что с тобой?» — вскричала дочка, выводя меня из оцепенения.

Я не признался детям, что в эти короткие мгновения вновь пережил тот страх, который испытал, сражаясь здесь насмерть, не думая о смерти. Я поднимался вместе со всеми в атаку и бежал вперед, крича «ура!». Попытались прорваться — не получалось. Гибли как мухи и снова бросались в атаки... Вот что напомнили мне эти три неожиданных залпа.

«Папа, — закричал сын, — там люди!» Пошли в ту сторону, откуда доносились голоса. Трое в комбинезонах нас спрашивают: «Кто вы? Как оказались здесь?» Отвечаю, что воевал здесь двадцать пять лет назад. «А вам известно, папаша, что вы были на непроверенном минном поле?»

Вот этого я, конечно, не знал. Солдаты велели следовать за ними. Дорогой мы узнали, что они пиротехники и ведут здесь разминирование, пока лишь под газопровод. Работа опасная: трое из их части подорвались.

Они привели нас к трем свежим могильным холмикам рядом с засыпанными рвами и сказали: «Вот это наши ребята, а эти, в рвах, — ваши». На свежих могилах были фотографии молоденьких (лет по девятнадцать) солдат, а на каждой насыпи рва — по осиновому колу с надписью на квадратной фанерке: «Могила неизвестных солдат». Я понял все: ведь осиновый кол, по библейскому сказанию, означает предательство.

Мы пошли в поселок — отделение совхоза «Красный ударник». Среди сельчан старожилов не оказалось, и о том, что творилось здесь в 42-м, жители только догадывались. Трупов наших солдат было в лесу видимо-невидимо, их хоронили военные: привозили громадные

ящики, складывали в них останки и опускали в вырытые заранее рвы. Сколько похоронено — никому неизвестно. В лес ходить опасно, и никто, кроме братьев Орловых, там не бывает. Орловы, особенно старший, Николай, находят в лесу еще много незахороненных, с медальонами, солдат, но добиться их организованного захоронения не могут. Хоронят сами, сообщают родным.

С горьким чувством покидал я Долину смерти. Хотелось кричать: «Братцы, да поймите же наконец, что мы все — живые и мертвые участники Любанской операции — не изменники. Наши товарищи сражались и погибли здесь во имя Отечества, не предав его. А Власов — это же не вся армия! Если он изменил Отчизне, так это он один. За что его и покарали. 2-я ударная до конца выполнила свой долг, ее солдаты не виноваты в неудаче операции — они стояли насмерть и заслужили все воинские и человеческие почести!»

Куда я только не писал после этой поездки! Ведь уже полвека лежали в Долине смерти убитые солдаты — чьи-то родные, числящиеся по справкам военкоматов без вести пропавшими. Отовсюду получал лишь отписки, везде наталкивался на каменную стену бездушия.

Познакомился и с Николаем Ивановичем Орловым — настоящим комендантом Долины смерти, как назвал его писатель С. С. Смирнов. Это был удивительный человек, не смирившийся с тем, что истинные герои лежат в забвении, а самозванцы цепляют себе Звезды Героев. Да будет ему земля пухом и вечная добрая людская память!

Счастье, что дело, начатое им, не пропало. Дважды в год в Мясном Бору работает экспедиция «Долина», возглавляемая младшим братом Орлова, Александром. Съезжаются сюда молодые ребята из всех уголков нашей страны, выносят из леса моих непохороненных товарищей и клянутся приезжать сюда снова и снова — до тех пор, пока не останется в Долине смерти ни одного солдата, брошенного на поле боя. Низкий поклон ребятам от нас, стариков — участников Любанской операции — одной из самых страшных страниц истории Отечественной войны. Она столь же страшна, сколь и позорна для живых, не знающих подлинной правды о войне.

Н. И. Исаков,

*учитель, бывший командир взвода
управления 24-го гаубичного минометного полка*

«Катюши» в Мясном Бору

Личный состав нашего полка гвардейских минометов состоял из студентов третьего курса математического факультета педагогического института имени Герцена. С началом войны нас перевели в Третье Ле-